

ТАТЬЯНА СНЕЖИНА

ТАТЬЯНА СНЕЖИНА

Света
на ветру

Биография
Стихи
Воспоминания

Москва
2017

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6я44
С53

*45-летию со дня рождения
Татьяны Снежиной посвящается*

Сквозной комментарий, воспоминания, новеллы,
составление *В. Печенкина*

В книге использованы рисунки Татьяны Снежиной,
а также фотографии из архива семьи Печенкиных

Снежина, Татьяна Валерьевна.
С53 Свеча на ветру / Татьяна Снежина ; [авт.-сост.
В. Печенкин]. — Москва : Издательство «Э», 2017. —
512 с. — (Подарочные издания. Стихи и биографии).

ISBN 978-5-699-98232-5

В этой книге стихи, песни, произведения в прозе Татьяны Снежиной переплетаются с ее рисунками, фотографиями из семейного архива и сопровождаются сквозными воспоминаниями-новеллами ее брата, раскрывая читателю прекрасный мир, в котором жила, творила и погибла эта прекрасная девушка, успев подарить ему свои бессмертные произведения.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6я44

ISBN 978-5-699-98232-5

© Снежина Т.В., наследники, 2017
© Печенкина Т.Г., предисловие, 2017
© Печенкин В.В., составление,
сквозной комментарий, новеллы, 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

ПРЕДИСЛОВИЕ

Посвящается моим детям, Татьяне и Вадиму

Если бы меня спросили, какими тремя словами можно охарактеризовать творчество моей дочери Татьяны, я бы, не задумываясь, сказала: «Чистота, открытость и смелость». Три простых слова, но за ними почти полная характеристика русской души, характеристика секрета притягательности поэзии русских авторов. Авторы, которые, не гонясь за конъюнктурой рынка, писали о чистом и святом — об искренних настоящих чувствах, о боли, которую несут эти чувства, и о святости, которая неразрывно связана с этой болью, объясняя в своих стихах миру, что смысл жизни не в материальном, а в духовном. Авторы, которые, неся свое творчество людям, не таясь, без страха, обнажали свои чувства, свою душу перед читателями.

Я думаю, именно в этом секрет притягательности для многих поэзии Снежиной. Люди верят ей и, веря, находят возможность увидеть, «вспомнить» свои чувства, свою судьбу в ее стихах. Наверное, не случайно первый свой альбом Татьяна хотела назвать «Вспомни со мной». Вспомни свою жизнь, вспомни свои чувства, вспомни то, что должно вести тебя вперед.

Татьяны нет с нами уже более 20 лет. И я не перестаю удивляться, когда приходят весточки со всех концов земли о спетых, перепетых песнях моей дочери, о творческих вечерах, посвященных ее творчеству или ее памяти, о десятках, сотнях людей, которые свое творчество посвящают

ей. Пишут песни, покоряют горы, создают и ставят памятники. Удивляюсь лишь потому, что это моя дочь, которая всегда для меня останется ребенком, и одновременно горжусь ею, потому что знаю, как дорого людям ее творчество и память о ее судьбе.

Несмотря на то что за эти годы вышло уже около полутора десятков ее поэтических сборников немалыми тиражами, мне пишут и говорят, что книг не найти. Люди хотят иметь представление о ее творчестве не только по известным песенным шлягерам, исполненным звездами эстрады, но и прочесть ее малоизвестные стихи, наброски, узнать больше о ее судьбе, об истоках вдохновения и творчества. Этот сборник — наш очередной подарок читателям. В нем не только песни Татьяны Снежиной, ее стихи, рисунки и часть прозы, объединенной ее братом Вадимом сквозными новеллами в единое повествование, его воспоминания о ней и нашей семье.

*Печенкина Т.Г.
Апрель 2017 г.*

АВТОБИОГРАФИЯ

Самые дорогие воспоминания любого человека — воспоминания о своем детстве, отце, маме, о том беззаботно-радостном восприятии мира, которое никогда уже не повторится.

Я родилась на Украине, и первыми моими впечатлениями от жизни были мелодичные украинские напевы из радиоприемника около детской кровати и мамина колыбельная. Мне не исполнилось и полугода, когда судьба перебросила меня из теплого, плодородного края на суровую землю Камчатки. Первозданная красота Природы... Седые вулканы, заснеженные сопки, величественный простор океана. И новые детские впечатления: длинные зимние вечера, завывания пурги за окном, треск березовых поленьев в печи и нежные мамины руки, рождающие на свет незабываемые мелодии Шопена.

Наше старое пианино... Я иногда смотрю на него, и мне кажется, что оно все эти годы было членом семьи, радовалось и печалилось, болело и выздоравливало вместе со мной. Я еще не умела говорить, но, своими детскими пальчиками ударяя по клавишам, пыталась показать окружающему миру свои чувства и мысли.

Потом, года в три-четыре, первые «эстрадные» выступления. Мамина косметика, мамина юбка и что-нибудь из репертуара 70-х. Помните: «Ах Арлекино, Арлекино...» или еще лучше — «Очи черные...». И, конечно, бурные аплодисменты гостей и родителей, влюбленных в свое чадо. Под занавес «концертов» — первые детские стишки. Одним словом — Детство.

Потом школа и новый переезд, на этот раз в Москву. И первое осознанное потрясение в жизни — потеря друзей, которые остались за тысячей непреодолимых километров, в том суровом и прекрасном краю. И на смену радостно-шаловливым детским строфам про «червячков и букашек» в голову вместе с ночными слезами по первой любви, «который там, далеко, в краю далеком и суровом», стали приходить грустные и вместе с тем лирические строки. Их нельзя было назвать еще стихами, скорее, теми зернами, которым суждено прорасти позже. А почву питали томики Цветаевой, Пастернака, Гейне, подsunутые незаметно заботливой рукой старшего брата, который все видел и понимал.

Чужие стихи, чужие песни, подружка Лена, вечера, переходящие в ночь у пианино, это все на людях, а ночью тайком свое — в тетрадку, плохое, но свое. А позже первый слушатель — мама, самый близкий мне человек, и ее слезы, слезы радости и грусти. Только тогда я поняла, что то, что я долгие годы вынашивала и таила, способно вызывать чувства не только у меня. И постепенно круг людей, которым я стала доверять, говорить о самом сокровенном, личном, стал шириться. Но это было позднее, когда я поступила во 2-й Московский мединститут. Не знаю, можно ли было уже тогда говорить о творчестве, не мне судить, но я этим жила, я просто восполняла внутреннее одиночество, жажду чего-то прекрасного и... несбыточного, и это нравилось людям. Частыми стали студенческие вечера с друзьями у клубного фортепьяно, кто-то из них незаметно записал то, что я пела и играла, на магнитофон, и кассеты стали расходиться по знакомым, друзьям, родственникам. Это был мой первый, а потому самый дорогой тираж, первая радость творческого удовлетворения. Сразу даже не верилось, что то, что писала для себя, нужно кому-то еще. Постепенно стихала старая боль, появились новые друзья, короче, не было границ счастью и беззаботности...

И тут ЕГО смерть. Смерть великого Человека и Поэта — смерть Игоря Талькова... и сны, сны о нем. Сколько еще не написано, сколько не спето. Почему столь нужные России люди уходят рано — Пушкин, Лермонтов, Высоц-

кий, Тальков? Сны снились вещи, тяжелые. Потрясение, снова душевный вакуум. Не могла ходить, думать, писать. Оставались друзья... И новый удар судьбы, которая, не считаясь ни с чем, бросает меня опять за тысячи километров от дома, друзей, моей жизни — в Сибирь, в город на Оби — Новосибирск. Тоска по всему, что я потеряла, как когда-то, вновь тоска, не оставлявшая меня ни днем, ни ночью. И стали рождаться песни, на этот раз я могу сказать уверенно — именно песни, иногда по две-три за ночь. А за окном все тот же снег, может, поэтому я Снежина — снег, холод, пустота. И звонки из прошлого, издалека, из Москвы, от друзей, от брата: «Мы с тобой. Запиши что-нибудь новое и вышли». Если бы не они... И кассеты, которые я уже записывала сама в домашней студии, летели в столицу. Одна из них, по воле все той же судьбы, случайно отклонилась от назначенного маршрута и попала на Таганку в студию «КиС-С». Через день звонок: «Готовы работать». Через два часа я уже в промерзшем аэропорту Новосибирска, еще через пять — спускаюсь по темным ступенькам в святая святых моего 94-го года, в студию, — я шла навстречу моей мечте. Мечта, впрочем, меня быстро окатила ушатом воды, словами моего первого аранжировщика Александра Савельева: «Работать и работать... но что-то в этом есть». Я вдруг услышала, как мне тогда показалось, божественные звуки таинственной мелодии, которые через пару секунд оказались всего лишь талантливой аранжировкой моей песни школьных лет «Роза».

Это была новая страница моей биографии. Репетиции и записи, ссоры и примирения с друзьями-аранжировщиками и оператором, ночные такси и прокуренный подвал студии, первый успех и первый провал. Год колоссального труда ребят, с которыми я работала: В. Калинин, А. Савельева, Д. Савари, С. Крылова. Работала с ними сутками, неделями не выходя из студии. И результат — первый альбом моих песен «Вспомни со мной», двадцать одна песня. Только сейчас я осознаю, что это песни, которые получились из моих диалогов с собой, со своей душой, из моих слез и моих радостей, из моей жизни.

Был в ушедшем году и дебют в Театре эстрады в кон-

церте В. Струкова. Постепенно стала приобретать опыт на эстрадных площадках. Это приходилось совмещать с учебой в институте, поэтому моей первой аудиторией стали ночные дискотеки и клубы. Дала свои первые интервью по радио. Конечно, если бы не поддержка моей семьи, брата, друзей, коллектива студии, я, наверное, не смогла бы преодолеть первые трудности на пути к моей мечте, мечте помочь людям «вспомнить со мной», что счастье рядом.

Сейчас продолжаю трудиться, сопрягая это с необходимостью окончить институт. Надеюсь выпустить, несмотря на сложность такого дела, как шоу-бизнес, свой первый альбом. Но уже в проекте запись второго. Ведь за годы творчества у меня накопилось около двухсот песен, которые ждут своего слушателя. Да и жизнь идет своим чередом, новые впечатления, новые размышления, новые слова, которые нужно услышать и постараться понять. А главное — есть мечта. Конечно, надо еще трудиться и трудиться, многому научиться, многое преодолеть, без этого нельзя, *но пока есть мечта в душе, свет вдалеке и друзья у плеча — можно пройти сквозь огонь и не сгореть, переплыть через океан и не утонуть.*

*Татьяна СНЕЖИНА,
Новосибирск — Москва
12 февраля 1995 года*

*Лирика
и судьба
Татьяны
Снежиной*

Вадим Меченин

НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ ОДНОЙ ЖИЗНИ

В ТОТ ДЕНЬ...

Шоколад теплой негой расплывался у меня во рту, губы, прилипая, оставляли его застывшие следы на прохладной поверхности стекла балконной двери. От разглядывания аппетитных узоров... от неожиданной щедрости отца, подарившего конфеты, они казались еще слаще и вкуснее. Рассматривая через кругляшки отпечатков своих губ и сквозь сиреневый воздух вечера идущую стройку дома напротив, я чувствовал, как печаль постепенно вытесняла радость — «маму увезли дяди в белых халатах — врачи»... От стекла все сильнее и сильнее веяло холодом, и тоска, тоска холода, сжимала мое маленькое сердце — сердце семилетнего мальчика. К вечеру, то ли от опускающихся на город сумерек, разрываемых с треском вспышками сварочных аппаратов строителей, то ли оттого, что в остывающей квартире я оставался один и не было рядом мамы и папы, к печали дополнилась тревога. Зачем, почему увезли маму, как ей там в больнице? Когда ночью глаза стали наливаться свинцом, пришел отец и сказал, что маме уже лучше и что в ближайшее время за то, что я хорошо себя вел и был сегодня настоящим мужчиной, мы поедем к ней.

В тот день я не мог, ну просто никак не мог понять, почему мы встали так рано... А папа не идет при этом на работу. Папа был чему-то рад. Может, он радуется тому, что купит мне новую, давно обещанную игрушку — боль-

шой трактор с огромным красным бензобаком сзади. Еле скрывая радость от этой мысли, я стараюсь доказать отцу, что уже взрослый и, несмотря на свои только что исполнившиеся семь лет, могу не только быстро одеться, но и почистить ботинки.

Пока отец, чему-то улыбаясь, смотрел вдаль на балконе и попыхивал сигаретой, что было крайне редко в моем присутствии и поэтому еще больше придавало ситуации загадочности, я усердно тер ботинки щеткой, поплеывая на уже и так блестящую кожу, так как это делали в фильмах.

Уже в автобусе, когда он нас вез, перетряхивая, как неодушевленные вещи, по старому и знакомому маршруту в центр, где были парки отдыха, жила бабушка, и главное — был магазин, наполненный вещами, о которых мечтали все дети планеты — игрушки, глобусы, велосипеды... Уже в автобусе отец сказал шепотом на ухо, немного уколос его своей жесткой щетиной:

— Тебя ждет сюрприз...

Мое сердце запрыгало радостно. Мальчик из соседнего двора умрет от зависти и больше не будет задаваться, привозя к нам свой большой грузовик. Трактор — это трактор, это даже не грузовик. Он сильный и, если захочет, передавит своими гусеницами все грузовики. Так мне говорил папа, самый сильный и добрый на свете.

— Мы тебе купили сестричку, — не скрывая счастья и такой сильной, по-неземному светлой гордости, шепнул мне на ухо отец.

Сестричку?! Я старался быть сильным, как советские воины из советских фильмов, и «ни один мускул не дрогнул на моем лице». Но предательские слезы горячими ручьями хлынули из моих глаз. Они текли по щекам, я ничего не мог поделать, отец растерянно смотрел на меня, не понимая, что случилось. Он даже спросил: «Тебя пчела укусила?» Но я был не в состоянии отвечать, понимая, что как только я открою рот, превращусь в плаксу, плаксу девчонку... Девчонку! Эти мысли заполнили все мое сознание. Меня засмеют все дворовые ребята! Домой девчонку привел! Мне что, еще и играть с ней придется?!

*Валерий Печенкин.
Будущий отец Татьяны.
1959 год*

*Татьяна. 1962 год.
В этот год они познакомятся*

Свадьба Валерия и Татьяны. 1963 год